

11214

Цѣна 5 коп.

АВІАЦІОННАЯ НЕДѢЛЯ.

Содержаніе:

ПОЛЕТЫ АВІАТОРА.

ГОРЕ-ЛЕТУНЪ-ФОТОГРАФЪ.

ГОРЕ-БУХГАЛТЕРЪ-ИЗОБРЕТТЕЛЬ.

САРАТОВЪ.
1911.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
"Художество".

Мещинская, № 4,
это въ Цѣганской.

Полеты авіатора.

На дняхъ повторяются здѣсь полеты авіатора А. А. Васильева.

Въ прошломъ году онъ сдѣлалъ у насъ цѣлый рядъ удачныхъ полетовъ, въ томъ числѣ одинъ полетъ очень большій—съ ипподрома конскаго бѣга въ сл. Покровскую и обратно.

Смѣлый и отважный покоритель воздуха ознакомилъ съ авіатикой саратовцевъ изъ числа домошниковъ, никогда ни на шагъ не отлучавшихся изъ Цоволжской столицы.

Впрочемъ, А. А. Васильевъ своими полетами доставилъ здѣсь всѣмъ безъ исключенія большое удовольствіе.

Теперь, когда онъ сдѣлался знаменитостью и своего рода гордостью Россіи, новые полеты его здѣсь несомнѣнно возбуждаютъ еще больше интереса.

Знаменитость А. А. Васильевъ приобрѣлъ на Югѣ весьма длинными перелетами, а перелетъ его изъ Петербурга въ Москву безусловно составляетъ гордость Россіи.

Будемъ ждать и вновь смотрѣть здѣсь его полеты.

А пока коснемся того вліянія, какое онъ произвелъ на нѣкоторыхъ саратовцевъ.

Ни кому не секретъ, что послѣ пребыванія цирка въ какомъ нибудь городкѣ ими мѣстичкѣ вся дѣтвора долго практикуется въ акробатическихъ упражненіяхъ, домогаясь продѣлывать тѣ же номера, какіе видѣла у цирковыхъ артистовъ

У насъ и теперь уличные ребяташки продолжаютъ отчаянную французскую борьбу.

Мнѣ помнится, когда много лѣтъ тому назадъ по Россіи гастролировалъ знаменитый англійскій канатоходецъ Блокъ, тогда едва-ли тамъ, гдѣ онъ побывалъ, можно было найти дворъ, въ которомъ не нашлось бы хотя маленькой натянутой въ воздухѣ веревки для хожденія по ней дѣтишекъ.

Но то были дѣти, которымъ вполне простительно обезьянничать.

Авиаторъ же А. А. Васильевъ,—не въ укоръ ему будь сказано,—вскружилъ здѣсь головы взрослымъ людямъ.

Нѣкоторые изъ нихъ рѣшили обязательно сдѣлаться летунами.

Они не остановились даже предъ угрозами, сдѣланными репортерчикомъ „Саратовскаго Листка“ В. И. Девятковымъ.

Къ такимъ угрозамъ нужно отнести явный вымыселъ, будто А. А. Васильевъ во время своихъ полетовъ всегда боится не столько паденія, сколько нападенія разныхъ птицъ и пташечекъ, готовыхъ его заклевать за то, что онъ отнимаетъ у нихъ воздухъ.

Можно только пожалѣть, что мѣстные авіаторы не побоялись даже и этой, хотя и вымышленной угрозы.

Лучше бы ужъ путешествовали по землѣ и занимались своимъ обычнымъ дѣломъ.

По крайней мѣрѣ, были бы дѣлы и невредимы.

Горе-летунъ-фотографъ.

Мѣстный фотографъ С. Н. Глушенко тотчасъ же послѣ полетовъ А. А. Васильева рѣшилъ во чтобы то ни стало изучить авіатику и сдѣлаться пилотомъ.

Правда или нѣтъ—это покрыто мракомъ неизвѣстности, но говорили, что онъ вдвойне интересовался авіатикой.

Кромѣ наслажденія парить въ воздухѣ ему хотѣлось производить фотографическіе снимки съ высоты птичьяго полета.

Быть можетъ, это и удалось бы ему, но, къ сожалѣнію, его постигло несчастье.

Онъ бросилъ здѣсь на полномъ ходу хорошо поставленное фотографическое заведеніе и поѣхалъ во Францію учиться авіатикѣ.

Какъ тамъ шло ученіе—никому здѣсь неизвѣстно, но, какъ говорятъ, онъ при первомъ же пробномъ полетѣ упалъ и сломалъ себѣ лѣвую ногу.

Возвратился онъ въ Саратовъ хромымъ, но тѣмъ не менѣе привезъ съ собой аэропланъ, пріобрѣтенный съ помощью небольшой субсидіи мѣстнаго аэроклуба.

Членамъ аэроклуба С. Н. Глушенко заявилъ, что онъ прошелъ полный курсъ авіатики, но, по случаю катастрофы и болѣзни ноги, не держалъ экзаменъ на званіе пилота.

Онъ просилъ произвести ему здѣсь „экзаменъ“ и выдать свидѣтельство на право совершенія публичныхъ полетовъ.

Аэроклубъ на это согласился съ тѣмъ, чтобы для экзамена пріѣхали сюда двое членовъ Петербургскаго аэроклуба.

Пока что, а тѣмъ временемъ Глушенко занялся практическими полетами.

Однако, сколько онъ не мучился со своимъ аэропланомъ, результатъ получился очень плохой.

Оказалось, что не только летать по воздуху куда угодно, а даже дѣлать маленькіе перелеты по прямой линіи Глушенко оказался не въ состояніи. тѣмъ болѣе. что и садился на аэропланъ съ большимъ всегда страхомъ.

Въ концѣ концовъ С. Н. Глушенко сознался въ въ безсиліи для совершенія полетовъ и продалъ свою машину аэроклубу.

Горе-изобрѣтатель.

Бухгалтеръ мѣстной Ратуши Алѣевъ, какъ онъ самъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ, прошелъ будто бы все высшія науки, кромѣ математики, которую, не взирая на спеціальность, онъ всегда почему-то страшно не долюбивалъ.

Онъ прослылъ, или вѣрнѣе сказать, выдавалъ себя за самаго главнаго мѣстнаго ученаго. Это пріятно льстило его самолюбію и онъ самъ не могъ себѣ не сознаться, что слава объ немъ далеко не зря распространяется.

Положа руку на сердце, новоиспеченный, самозванный философъ теософъ мысленно произнесъ:

— Быть по сему, ибо велій я ученый.

Чтобы не ударить себя въ грязь лицомъ, Алѣевъ открылъ научную станцію и самъ себя провозгласилъ ректоръ-мъ этого учрежденія.

Занятія въ научной станціи влекли воображившаго себя не на шутку ученымъ дѣятелю болѣе, чѣмъ вѣчная и безплодная борьба съ прихотливыми и капризными цифрами въ бухгалтеріи Ратуши.

Его манили воздухъ и просторъ, а не переносъ пустыхъ цифръ изъ одной книги въ другую.

Долго ломалъ свою голову Алѣевъ и думалъ,

какъ ему быть, т. е. которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе — бухгалтеріи или аудиторской.

Послѣ строгаго взвѣшиванія всѣхъ данныхъ этого серьезнаго вопроса, Алѣевъ сдѣлалъ глубокомысленный выводъ:

„Все равно, вѣдь моя бухгалтерія такъ запутана и заплетена, что въ ней не только мнѣ, грѣшнику больнои руки, не разобраться, а даже не сдѣлать ничего и настоящему специальному бухгалтеру

Всѣ мои погуги для исправленія дѣла ни къ чему не поведутъ.

А если я приложу все свое стараніе, то еще болѣе запутано этимъ самымъ бухгалтерію и тогда вся вина уже упадетъ на меня.

Пусть ужъ мои главные помощники расхлебываютъ изготовленную для нихъ счетоводную кашу, а я буду занимать постъ бухгалтера и аккуратно получать кругленькое, милое и необходимое мнѣ жалованье“

Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлано

Алѣевъ всецѣло и самоотверженно вспарилъ въ великую и важную для него научную область.

„Просторъ и воздухъ нужны мнѣ, а не цѣфры проклятыя, въ которыхъ я совершенно не нуждаюсь“, — не безъ свойственной въ этихъ случаяхъ гордости думалъ Алѣевъ и гладитъ свою бороду, очень большую и серебристо-сѣдую.

Лавры летающихъ мотыльковъ и разноцвѣтныхъ красивыхъ бабочекъ не давали ученому, съ позволенія сказать, мужу покоя, причемъ мысли его витали гдѣ-то въ далекомъ, необъятномъ пространствѣ:

— Взгляните на множество летающихъ въ воздухѣ птичекъ, такъ плавно и граціозно махающихъ крыльями, и вы увидите диво, передъ которымъ нельзя ни въ какомъ случаѣ не преклониться

Ни одна изъ этихъ пернатыхъ не съѣтъ, не жнетъ, а, по волѣ Царя Небеснаго, живетъ припѣваячи, питаясь, чѣмъ Богъ пошлетъ.

Неужели и я не могу летать хотя бы по цѣлому мѣсяцу и аккуратно каждое 20 число получать въ Ратушѣ жалованье.

Это, конечно, будетъ легко сдѣлать, если я изобрѣту машину—аэропланъ или монопланъ, какъ угодно его назовите

Для „ученаго“ насталъ великій моментъ.

Не ради славы людской или какогонибудь патента за усовершенствованіе летательныхъ аппаратовъ, а просто—въ погонѣ за птичками для братскаго соревнованія хотѣлось ему достичь изобрѣтенія такой машины, на которой и старый и малый посылся бы, гдѣ только угодно, не хуже любого орла.

Хорошій конецъ и дѣлу вѣнецъ.

Труды „ученаго“ Алѣева, какъ онъ заключилъ, превзошли даже собственные его ожиданія, ибо устроенная имъ машина не представляла будто бы желать ничего лучшаго.

Даже самая модель, вырѣзанная имъ изъ бумаги, заслуживала полного и глубокаго вниманія (!?!).

Онъ сдѣлалъ опытъ, разумѣется съ бумажной моделью, и этотъ опытъ, по заключенію самаго увлекающагося „ученаго“, оказался въ самой наивысокой степени удачнымъ.

Для этого опыта въ помѣщеніи научной станціи была протянута отъ одной стѣны къ другой тонкая бронзовая проволока, покрытая легкимъ слоемъ наилучшаго бѣлаго вазелина.

Когда, по убѣжденію „ученаго“ Алѣева, настала первый еще въ жизни всѣхъ народовъ моментъ дивнаго и мудраго изъ мудрыхъ опыта, онъ съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ и особой торжественностью прицѣпляетъ на пріуготовленную къ проволоцѣ кольца свой аэропланъ.

Съ большой осторожностью и пританчивымъ дыханіемъ прикрѣпилъ онъ витку къ аэроплану.

Затѣмъ тихо-тихо, разматывая клубокъ, отошелъ онъ къ противоположной отъ машины стѣнѣ по направленію проволоки.

Во всемъ помѣщеніи научной станціи воцарилась глубочайшая тишина. Казалось, что все,

что только състь живого на свѣтъ, исчезло безсѣдно, а живетъ лишь единственный по счастливой идѣ ученаго новый аэропланъ.

Все члены и не члены научной ставціи (около 10-ти недоучекъ обоего пола) точно оцѣненѣли, а самъ „ученый“ какъ будто окаменѣлъ.

При такой чарующей истомѣ не только минуты, даже секунды казались годами, если не вѣкомъ безконечнымъ—вотъ какая была жажда зрителей диво-дивное узрѣть.

Еле замѣтная волна воздуха пробудила и оживила оцѣненѣвшихъ зрителей, у каждаго изъ которыхъ глаза быстро забѣгали съ аэроплана къ ученому и обратно.

Самъ „ученый“ вытянулся, приподнялся на циночки, устремился глубоко пронизывающимъ взоромъ на машину и

И сталъ быстро продѣлывать съ ниткой тѣ же манипуляціи, какія обычны всемъ ребятишкамъ, когда они подбираютъ нитью залуценнаго змѣя.

Аэропланъ заколыхался, изъ стороны въ сторону, а потомъ чуть-чуть сталъ двигаться впередъ.

„Ученый“ чѣмъ дальше, тѣмъ больше ускорять свои манипуляціи съ ниткой, аэропланъ сталъ двигаться сильнѣе и сильнѣе. . . .

Наконецъ, онъ не пролетѣлъ, а можно сказать съ неимоверной быстротой проскользнулъ по про-

волокъ прямо въ распростертыя объятія своего гнилаго и торжествующаго изобрѣтателя.

Восторгу публики не было границъ.

Помѣщеніе ставдіи, гдѣ совершился курьезный опытъ, превратилось изъ ученаго учрежденія въ кремешный адъ.

Бурные аплодисменты и крики — браво, браво, брависимо, казалось, никогда не смолкнутъ.

Наконецъ, толпа съ гикомъ ринулась къ счастливому „ученому“ и обступила кругомъ для поздравленія съ великимъ (?) его успѣхомъ.

Каждый изъ толпы крѣпко жаль руку „ученаго“, лобзалъ его во все и во вся и, однимъ словомъ, всячески старался его привѣтствовать.

Въ концѣ-концовъ наиболѣе ретивые изъ толпы подхватили ученаго, и безъ того до болѣзни утомленнаго, на руки и стали качать, качать. . . .

Только когда онъ возопилъ и взмолился, его отпустили.

Мало-по-малу публика стала расходиться, издали махая платками Аѳѣву, стоявшему у окна пусть-полезваго своего учрежденія.

Оставшись одинъ, онъ углубился въ размышленіе о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій

Впрочемъ, ему раздумывать долго не пришлось.

Онъ рѣшилъ немедленно отправиться къ своему мѣру.

— Пойду, — думалъ про себя „ученый“ изобрѣтатель, — подамъ... рр... объ... а затѣмъ полюбую улѣтѣть хотя бы и на бумажномъ своемъ аэропланѣ.

Я буду летать, летать, летать... и никогда на землю не спущусь.

Въ то время, когда „ученый“ Алѣксѣй соби-
рался къ своему мѣру, въ домѣ послѣдняго про-
изошло маленькое событіе.

Мѣръ вошелъ однажды въ свой кабинетъ и
къ ужасу своей услышалъ отчужденныя словечки:

“Вспомни, вспомни другъ мой милый,
Что давно ты обѣщаль!“ *).

Мѣра „покоробило“ отъ досады. По первому
обцугу онъ заподозрѣлъ присутствіе въ кабинетѣ
газетнаго сотрудника, забравшагося куда нибудь
подъ диванъ или подъ столъ.

Мѣръ быстро удалился изъ кабинета и при-
казалъ своимъ присланнымъ произвести тамъ обыскъ,
а самъ нервной походкой шагаль по пріемной и
соображалъ, что кромѣ газетнаго сотрудника никто
бы не дерзнулъ сказать ему подобныхъ словъ.

Слуги доложили мѣру, что обыскъ оказался
безъ результата.

*) Послѣ вторичнаго выбора на должность мѣра, онъ далъ тер-
жественное обѣщаніе избирателямъ, что приведетъ въ порядокъ
дѣлопроизводство и бухгалтерію Ратуши, но между тѣмъ ничего
не сдѣлалъ.

Онъ тотчасъ же снова вошелъ въ кабинетъ и опять былъ встрѣченъ тѣми же словами:

„Вспомни, вспомни другъ мой милый,
Что давно ты обѣщалъ!“

Только тутъ мэръ убѣдился, что это говорить не сотрудникъ газетный, а попугай, невѣдомо какъ проникшій въ его кабинетъ и забравшійся на оконный карнизъ.

Мэръ тщетно допытывался узнать, откуда и какъ попалъ къ нему попугай, но тотъ молчалъ и молчалъ и ни одного звука не проронилъ, а только изрѣдка пощелкивалъ своимъ клювомъ.

Попугай былъ очень красивый и такъ поправился мэру, что онъ безповоротнo рѣшалъ оставить его у себя.

— Если будетъ свою пѣсенку пѣть, то пусть поетъ. авось не мнѣ, такъ городу пользу сдѣлаетъ своимъ напоминаніемъ.

Много въ кабинетѣ мэра перебывало посетителей, но попугай не обращалъ на нихъ вниманія и ни въ какіе разговоры не вступалъ.

Только когда самъ мэръ входилъ въ кабинетъ, попугай обязательно выкрикивалъ:

„Вспомни, вспомни другъ мой милый,
Что давно ты обѣщалъ!“

Но вотъ въ одно прекрасное утро къ мэру входитъ „ученный“ бухгалтеръ Алѣевъ съ прошеніемъ объ отставкѣ въ тѣвой рукѣ.

Въ одномъ изъ заднихъ кармановъ сюртука „ученаго“ торчало наполовину втиснутое туда его дѣтище — изобрѣтенный бумажный аэропланъ.

Изъ другого его кармана выпалъ и тащился по полу прикрѣпленный къ аэроплану клубокъ нитокъ.

Попугай громко фыркнулъ.

Мэру показалось фырканье попугая неумѣстнымъ и несвоевременнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ еще не зналъ и причину, вызвавшую насмѣшку надъ „ученымъ“ со стороны глушенькой птицы.

Но попка фыркалъ и фыркалъ безъ умолку.

Мэра ужасно это разсердило и онъ, какъ дѣлаетъ это во время засѣданій, энергично позвонилъ ручнымъ колокольчикомъ.

Все сразу стихло, но потомъ удивленію мэра не было границъ.

— Прошу дать мнѣ слово, Володя, — услышалъ онъ отъ попки.

— Только по вопросу... (тѣфу пропасть, что я сказалъ, точно и на самомъ дѣлѣ тутъ засѣданіе.

— Ну говори, попка, что тебѣ надо!

Попка тотчасъ же поцѣтушился, принявъ горлую позу начальства и обратившись къ „ученому“ ясно правильно сталъ декламировать стихи:

„Ты на цифрахъ не уѣхалъ
И со смѣтой опоздалъ,

Финтифлюшки гдѣ-то нюхаль
Всю бумагу искромзаль.

Вырѣзаль все бездѣлюшки,
Ироплантъ изобрѣталъ,
Получились же игрушки...
А гдѣ геній твой питаль? "

* *

Послѣ этого, умолкнувъ на нѣсколько минутъ,
попка уже насмѣшливо продолжалъ:

— Давай „ученый“ одинъ конецъ нитки мнѣ,
а другой съ ироплантомъ бери себѣ въ зубы...

Я унесу тебя въ необъятную высь, за облака....

А потомъ отпущу, приговаривая:

„Ты лети, лети соколикъ
Ни высоко, ни далеко,“
На родиму сторону. ..

И мэру и ученому ее понравилась эта выходка попугая.

Тотъ это смѣгиль, порхнулъ на плечо къ мэру и тихо шепнулъ на ухо:

— Не бойся, вѣдь изобрѣтателя тоже изобрѣтатель потащитъ вверхъ.

Какъ бы я далеко не занесъ твоего любимца-цифроѣда и откуда бы только не бросилъ на землю съ небесной высоты онъ обязательно шлепнется въ обрѣзки своихъ бумагъ...

Вѣсь, знаешь, онъ не милліоны, а милліарды пудовъ изрѣзаль бумаги, достигая изобрѣсти дѣтскіи аэропланчикъ...

У насъ негдѣ въ городѣ плюнуть, чтобы не попасть въ Алѣевскія обрѣзки бумагъ.

Мэръ искренно вѣрилъ пошкѣ, но все же опасался катастрофы.

А вдругъ, да великій сѣятель бумажныхъ обрѣзковъ брякнется мимо ихъ, что тогда будетъ?

Впрочемъ, ему навѣрное будетъ пухомъ земля,— подумаль мэръ и далъ знакъ пошкѣ, что согласенъ на его затѣю.

Разумѣется, на это согласился и самъ „ученый“ Алѣевъ, которому ужасно хотѣлось побывать въ иныхъ, невѣдомыхъ ему сферахъ.

Для совершенія полета всѣ вышли на дворъ Ратуши.

Мэръ приказаль эзекутору Бычкову послать за фотографомъ для снимки полета.

Все, что нужно, было приготовлено.

Явился и Фольдбергъ, безъ участія котораго со своимъ фотографическимъ аппаратомъ не совершается въ городѣ никакихъ событій.

Пошка взялъ одинъ конецъ нитки съ клубкомъ и поднялся на крышу Ратуши.

Другой конецъ съ прикрѣпленнымъ къ нему бумажнымъ аэропланомъ взялъ въ зубы „ученый“ Алѣевъ.

Понка велѣлъ ему немного разставить ноги и растопырить руки на подобіе крыльев плавающей по воздуху птицы, что тотъ безирекословно исполнилъ.

Мэра понка просилъ дать для полета троекратный знакъ флагомъ.

Всѣмъ же остальнымъ присутствующимъ, въ томъ числѣ и главному виновнику торжества, „ученому“ изобрѣтателю бумажнаго аэрона, понка крикнулъ, чтобы смотрѣли на него, въ особенности же, когда мэръ занесетъ руку съ флагомъ для третьяго сигнальнаго взмаха.

Мэръ махаетъ флагомъ: разъ, два, три...

Въ этотъ моментъ понугай, на котораго всѣ зорко смотрѣли, бросилъ клубкомъ нитокъ въ шута-изобрѣтателя...

Затѣмъ сдѣлавъ изъ трехъ пальцевъ немудрую комбинацію, фыркнулъ, расхохотался, поднялся съ крыши и навсегда исчезъ.

11214

ЕСЛИ ХОТИТЕ
ЧТО-ЛИБО
ПЕЧАТАТЬ,
ТО ЛИШЬ ТО ЛЬКО
ВЪ ТИПО-ЛИТОГРАФИИ
„ХУДОЖЕСТВО“.

Саратовъ.

Мясницкая, № 4, уголъ Цыганской.

ЦѢНЫ САМЫЯ КРАЙНІЯ,

Исполнение чистое и аккуратн.